

## НАРКОМ ЛУНАЧАРСКИЙ

### Краткий очерк жизни и деятельности

*Н. М. СЕВЕРИКОВА*

В середине XVIII века М.В. Ломоносов, с именем которого связывают русскую национальную научно поставленную педагогическую систему, с целью подготовки своих, «природных», русских специалистов сумел создать условия для формирования личности учащегося, упорно отстаивая идею бессловной школы, что ему, безусловно, удалось: в открытых им Университете и гимназиях учились все, кто «восхотел». Стараниями Ломоносова гимназисты содержались на «полном государственном коште».

Плата за обучение впервые была введена в 1819 г., при Аракчееве, а отменили ее спустя 100 лет, в ноябре 1917. В этот год Наркомпрос России, возглавляемый А. В. Луначарским, поставил задачу организации всеобщей бесплатной школы, а также создания детских яслей, детских садов, детских домов, причем везде осуществлялось бесплатное питание детей.

Еще на заре XX века, в одной из своих ранних работ («Основы позитивной эстетики», 1904) А.В. Луначарский выразил свой общественный идеал – «идеал общества таких людей, в котором борьба между людьми принимает характер соревнования в достижении разными путями одной цели». Этой величественной целью Луначарский считал построение социально справедливого общества, основанного на принципах свободы, равенства и братства, т.е. социалистического строя, «который уничтожает “свободу” одних людей жить за счет других»<sup>1</sup>.

Анатолий Васильевич Луначарский, по его собственному признанию, отдавал «всю кровь сердца и весь сок нервов» делу построения нового общества. «Я – революционер ради огромного расцвета сильной, светлой и справедливой культуры» (запись в дневнике от 09.11.30). С назначением А.В. Луначарского наркомом просвещения, ему, фактически, пришлось «объять необъятное». В течение 12 лет (1917 – 1929) Наркомпрос занимался не только проблемами образования: в его ведении находились детские сады и школы, все высшие учебные заведения, научно-исследовательские институты; внешкольные учреждения, включая «ликбез», библиотеки, музеи, театры, музыка, архитектура, кино, издательства, цензура; общетеоретическая и методическая работа Государственного ученого совета.

Главным было сделать просвещение, науку, искусство, все духовные ценности достоянием народных масс, изменить мировоз-

зрение и духовный мир каждого человека, превратить каждого члена общества в сознательного и активного строителя социализма. Причем масштабность задач в сфере культуры была столь велика, что по праву характеризовалась как *культурная революция*. Немаловажной задачей стало изменение общественной психологии, нравственных принципов и эстетических взглядов людей. Таким образом, в процесс культурной революции были вовлечены все слои населения, ее цели пронизывали все сферы общественной жизни.

Луначарский искал, нередко ошибался, не все, что он намечал, удавалось, но это были поиски и ошибки честного мыслителя. Ошибки действительные — а это и его проповедь «соединения научного социализма с религией», и утверждение: «Марксизм, как философия, является новой, глубоко критической религиозной системой» — Ленин подверг суровой и бескомпромиссной критике в книге «Материализм и эмпириокритицизм» (1909). Возвращаясь к годам «тогдашних заблуждений», в 1931 г. Луначарский пишет статью «К вопросу о философской дискуссии 1908 — 1910 гг.», в которой искренне признается: «Самым ложным шагом, который я тогда сделал, было создание своеобразной философской теории, так называемого «богостроительства»<sup>2</sup>. «Бога нужно не искать, толковал я, его нужно дать миру... Путь борьбы за социализм, т. е. триумф человека в природе, это и есть богостроительство»<sup>3</sup>.

Признавая справедливыми «резкость и беспощадность осуждения Лениным... религиозно-философских мыслей», Луначарский продолжает: «Я смею думать, что когда Центральный Комитет, руководимый Лениным, после Октябрьской революции, в подготовке которой я принимал посильное участие, призвал меня в Совнарком и поручил мне такой ответственный в культурном отношении наркомат, как наркомат просвещения, то сделано это было постольку, поскольку признали, что от прежних моих заблуждений во всем существенном и главном я сумел уже освободиться»<sup>4</sup>.

Статья увидела свет лишь 40 лет спустя, а злополучная ошибка стала ярлыком на вечные времена и чуть ли не главным фактом его биографии. А ведь после этого в неустанном труде была прожита целая четверть века!

...На заключительном заседании XV Всероссийского съезда Советов в марте 1931 г. Председатель Совнаркома Молотов обвинил Луначарского в связях с Троцким. Нарком просвещения впервые не был избран в ЦИК, хотя созданная съездом комиссия, в которую входили С.М. Киров и Г.К. Орджоникидзе, уже на следующий день опровергла обвинения Молотова. Бывшему председателю Ученого комитета при ЦИК СССР Луначарскому на партийной «чистке» устроили «общую проверку» его прежних работ, из которых многие

оказались «под запретом» — в «спецхране». Бюрократическое тавро «идеологически не выдержан» стоит на брошюрах: А. Луначарский. Просвещение и революция (М., 1926), «Доклад А.В. Луначарского о задачах культурной революции после XV съезда ВКП (б)». Эти работы и еще 36 других вышли «из заточения» только в 1988 г., после 25 лет замалчивания.

Несмотря на авторитет, которым пользовался Луначарский в своей стране и за рубежом, с 20-х годов он постоянно подвергался — особенно после смерти Ленина — «нападкам самого критического свойства, большей частью несправедливых и неумных»<sup>5</sup>, — характеризует те годы философ М.А. Лифшиц.

Объективную характеристику отношения публицистов к А.В. Луначарскому дает журналист Ким Смирнов: «Посмотрите, с какой лобовой направленностью идут сейчас атаки на Луначарского. Что-то нечистое, «бесовское» есть во всех этих нынешних манипуляциях с историческими фактами, в выстраивании их в однозначную, заданную линию, в подстраивании фактов под собственные прокрустовы шаблоны. Именно так ведь и поступали «бесы» у Достоевского... идя на ложь ради подстраивания действительности под свои догматы... Бесы — всегда против гения. Характернейшая их черта во все времена, у всех народов — ненависть к неординарному, зоологическое неприятие таланта, затаптывание всего, что подымается над средним уровнем, в грязь, в пошлость»<sup>6</sup>. Это было сказано еще в 1991 г. Преднамеренное искажение мыслей Луначарского, их своеобразную интерпретацию в угоду конъюнктуре времени можно было встретить и позже, но опровергнуть было практически нереально, и не потому, что не хватало аргументированных возражений, а потому, что их тогда почти не печатали.

В моем домашнем архиве хранится до десятка «отповедей» — отвергнутых в те годы редакциями разных журналов и газет статей, написанных мною в защиту А.В. Луначарского на основании документов из архива его дочери Ирины Анатольевны. На мои просьбы о публикации откликнулись тогда только два издания: газета «Московский университет», напечатавшая статью «В плену у моды. А.В. Луначарский в магическом кристалле современной публицистики», и журнал «Коммунист». Один из сотрудников редакции «Коммуниста» сообщил, что политический обозреватель журнала И.А. Дедков «согласен с позицией автора и убедительностью аргументации». Но в том же году идеологический журнал реформировали в «Свободную мысль», а Игоря Александровича Дедкова — в самом расцвете творческих сил! — убило беспощадное время.

...С тех пор прошло без малого 20 лет. И здесь важен ответ на вопрос: «Что же инкриминировали наркому просвещения сами учителя

ля — с точки зрения близких нам 90-х?» «Ответ» дают «*полевические заметки некогда известного московского учителя литературы*»<sup>7</sup>, — так аттестует своего корреспондента главный редактор «Учительской газеты» Г. Селезнев. Автор «заметок» прямо заявляет: «Народный комиссар подыгрывал Шариковым и Швондерам»: ведь тогда «ключевые посты в государстве занимали малообразованные люди. Не был исключением и Луначарский». Но «как же удалось малообразованному человеку возглавить всю культуру России?» А «брал он другим — умел вовремя подключиться к разрабатываемой идее, повернуть собственные дела в нужную сторону», — без тени сомнения утверждает автор заметок. Категоричный вывод «некогда известного московского учителя» обескураживает: «С самого начала Луначарский взялся не за свое дело» — это услышала вся полуторамиллионная аудитория учителей — подписчиков газеты того времени, и многие поверили (свидетельство этому — гневные письма).

Однако с такой характеристикой правительства Республики Советов вряд ли бы мог согласиться представитель американского Красного Креста в России в 1917 г. полковник Раймонд Робинс: «Первый Совет Народных Комиссаров, если основываться на количестве книг, написанных его членами, и языков, которыми они владели, по своей культуре и образованности был выше любого кабинета министров в мире»<sup>8</sup>.

Можно, конечно, отнестись с недоверием к словам американца. Но нельзя усомниться в искренности академика Александра Петровича Карпинского, избранного в 1917 г. президентом Академии наук, который назвал А.В. Луначарского человеком огромной культуры и исключительной эрудиции. Он вспоминал о том, какое впечатление произвел Луначарский на иностранных ученых, присутствовавших на праздновании 200-летия АН СССР в 1925 г.: «Было известно, что на торжественном заседании выступит народный комиссар просвещения. Некоторые иностранные ученые, не знавшие Анатолия Васильевича, думали, что увидят перед собой большевистского комиссара в кожаной куртке с револьвером за поясом, как их рисовала буржуазная пресса на Западе, и он будет провозглашать коммунистические лозунги. И как они были приятно разочарованы и удивлены, когда перед ними предстал обаятельнейший человек, за каждым словом которого стояла огромная культура и в выступлении которого звучала искренняя любовь к знанию, к науке, к человечеству»<sup>9</sup>.

Приветствуя иностранных гостей, А.В. Луначарский начал речь по-русски, потом перешел на немецкий, французский, английский, итальянский, продолжал по-шведски, по-норвежски, по-гречески и закончил «великолепной кованой латынью Вергилия». Действи-

тельно, эрудиция Луначарского была колоссальной: философия, религия, социология культуры, эстетика, искусство, литература европейская и русская, теория и методология литературоведения и искусствознания — вот основные области, к которым относятся его многочисленные труды, а их более 4,5 тысяч названий! Проводя аналогию с М.В. Ломоносовым, Варлам Шаламов назвал Луначарского «первым советским университетом». В 1929 г. французский журнал назвал Луначарского среди ста самых известных европейцев.

Автор «заметок» бездоказательно приписывает Луначарскому «органическое отвращение к учебным заведениям», «бесчинства, учиняемые над учителями», «контроль над учительством невежественных выдвигенцев и недоучек», «противопоставление семье коллектива» и другие «шальные смелости, свидетельствующие о поразительной близорукости Луначарского в вопросах педагогики». Нагромождение явных нелепостей, изошренность измышлений, грубые натяжки не случайны: за этим просматривается главное — усилить негативный образ первого наркома просвещения<sup>10</sup>.

Однако нельзя оставить без внимания еще один выпад «некогда известного московского учителя», который иначе как злобным не назовешь: нарком «с большим старанием сживал со свету» не только старую школу, но и крепкую семью. Эта беспрецедентная ложь, оскорбительная для наркома — государственного деятеля и порочащая его как человека, опровергнута всей жизнью Анатолия Васильевича Луначарского. И здесь необходимо вспомнить хотя бы кратко основные вехи его биографии.

В свои «счастливые детские годы», по его словам, он впитал «гражданский настрой ума и сердца» своего родного отца — Александра Ивановича Антонова. Статский советник не скрывал своих радикальных взглядов, развивая в сыне пылкий ум и внимание к общественной жизни, прививая интерес к людям, книгам, музыке, природе. Отец приучил его и к самостоятельному поиску знаний — особенно это помогало юноше в то время, когда в гимназии царил ненавистная ему схоластика.

В 13 лет Луначарский «простудировал вдоль и поперек» первый том «Капитала» К. Маркса, в 15 — вступил в партию социал-демократов и вел пропаганду среди рабочих. «Четверка» по поведению за политическую неблагонадежность воспрепятствовала его поступлению в русский университет, и юноша отправился в Швейцарию. Из Цюриха, где он начал учиться в университете, пришлось уехать по вызову к больному брату в Ниццу; потом Реймс, Париж — жизнь брата надо спасать. И всюду — интенсивная, напряженная работа по самообразованию.

Сближение с крупнейшими социалистами — П. Лавровым, Г. Плехановым, Р. Люксембург, Ж. Жоресом — определило судьбу Луначарского. С 1896 года он участвует в революционной борьбе, и последующие годы — это время тюрем (его сажали 8 раз), ссылок и скитаний по «градам и весям» Российской империи и Европы. Вечный искатель, он каждый миг жизни стремился заполнить содержательным трудом. В Швейцарии в течение двух лет он усиленно работает над педагогическими проблемами, посещает школы, знакомится с крупными новаторами в области воспитания, изучает новейшие методы обучения в школах Европы и Америки.

С 1904 года в редакциях газет «Вперед» и «Пролетарий» Луначарский активно борется за марксистскую линию. По поручению Ленина на III Лондонском съезде РСДРП он делает доклад о вооруженном восстании, через год выступает на IV Объединительном съезде в Стокгольме. Мужественной романтикой революционной борьбы веет и от статей «Воинова»-Луначарского: он призывает писателей посвятить свое творчество тем, кто «стремится переделать мир», сделать его «справедливым и прекрасным».

Мандат о назначении народным комиссаром по просвещению, полученный в 1917 г. из рук В.И. Ленина по решению Второго съезда Советов, ко многому обязывал А.В. Луначарского, но не оградил от трудностей — а они начались сразу: чиновники министерства просвещения в полном составе покинули здание, а учителя отказывались учить детвору. Всякого, кто соглашался работать с Советами, объявляли предателем и подвергали бойкоту. Поэтому Луначарский с радостью встречал тех интеллигентов (тогда очень редких), кто считал своим долгом трудиться при новом режиме. В первую очередь следовало привлечь к работе учительство старой школы — это мог сделать только Луначарский<sup>11</sup>.

Новая школа строилась в условиях войны, разрухи, голода, интервенции. Злорадно подхватывала буржуазная пресса цифры из доклада наркома: «Один карандаш на 60 учеников, одно перо — на 22 ученика и на 100 — одна чернильница». Луначарский не принимал упреков за излишнюю откровенность, решительно отказываясь «строить потемкинские деревни». На практике проверялась и эффективность многих новаторских методов обучения. Так, от комплексной программы П.П. Блонского, от зарубежных Дальтон-плана и «метода проектов» пришлось отказаться как от бесперспективных. Массам, рвущимся к учению, нужны были прочные знания, и школа вернулась к предметному методу обучения.

Ведущая нота в деятельности первого наркома просвещения — человек. Наука, искусство, образование — все во имя того «подлинного», как он говорил, человека: это человек гармонично развитый

нравственно и духовно, имеющий широкое общее образование и способный приобрести мастерство в какой-либо области, благожелательный «товарищ всем остальным людям» и «борец за социалистический идеал». Мысли эти нашли отражение в созданных Наркомпросом «Основных принципах единой трудовой школы» (1918). Эта Декларация, переведенная на европейские языки, была шагом вперед в развитии мировой педагогической науки.

Впервые в мире создавалась единая (нарком просил не путать с единообразной!) школа, в которой каждый мог бесплатно получить одинаковый уровень образования, независимо от социального и имущественного положения и национальности. Коренным переворотом было введение многоступенчатого, непрерывного образования, начиная с детского сада и кончая университетом. Главной особенностью новой школы нарком называет ее трудовой характер. На I Всероссийском съезде по просвещению (1918) Луначарский заявил, что «жизнь вне труда есть пустой звук». Важно участие детей «в общем трудовом процессе, которым занято взрослое население». И приучать детей надо к труду реальному, результаты которого имели бы воспитательное значение.

В основу методов обучения следует положить принцип познания через деятельность (здесь Луначарский предвосхитил открытия советских психологов Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева), научить учащихся самостоятельно, активно приобретать знания и применять их на практике, вызвать стремление к накоплению знаний, глубокому изучению родного языка, математики, истории, биологии, физики, химии, т. е. интеллектуально наполнить жизнь учащихся. «Образование есть вся жизнь», — утверждал нарком.

Луначарский отводит огромную роль коллективу, где развиваются в детских душах «способность к общим переживаниям и солидарности», чувства чести и долга, нравственное сознание, раскрываются таланты. И главное: каждый чувствует поддержку всего коллектива, знает, что он не одинок в борьбе с трудностями, а находится в одном ряду с друзьями, готовыми прийти на помощь. Воспитание патриотических чувств, товарищеского отношения к людям нарком считал не менее важным, чем обогащение знаниями. В этом процессе неизмеримо велика роль учителя. Нарком стремился поднять роль педагога: ведь он не только «учитель жизни», но и идеал для ученика, он — «соль земли»! И надо, чтобы в педагогические институты шли не те люди, которым «больше деваться некуда, а настоящая боевая молодежь», сознающая святую ответственность учительской профессии<sup>12</sup>.

За бурными дискуссиями о новой школе следил весь мир. О том, что в период, когда Наркомпросом руководил Луначарский, со-

ветская школа переживала свой расцвет, имеется много беспристрастных свидетельств. Видный немецкий педагог Вильгельм Паульсен поместил в 1926 г. в журнале «Tage Buch» обстоятельную статью «О русской системе народного образования». Он выражает восхищение масштабами развития школьно-просветительского дела в Советской России и считает громадным достижением введение единой школы, за которую безуспешно борется передовая общественность Запада. Лондонский педагогический журнал констатировал: «Никакая другая нация в мире не ставит вопрос образования так серьезно... Будущее русской нации создается в сегодняшней школе». Выставка, посвященная советской школе, была послана в Данию, а потом последовали заявки из других стран. При посещении в 1928 г. Института повышения квалификации учителей в Москве американский педагог Джон Дьюи сделал такую запись: «Я глубочайше потрясен... Достижения за 10 лет являются — при огромных препятствиях — мировым чудом»<sup>13</sup>.

«Посол советской мысли и искусства», как назвал Луначарского Р. Роллан, умел завоевывать друзей для Советской России. Он использовал каждую возможность контакта с представителями интеллигенции Запада для пропаганды достижений и задач советской культурной политики. Особое значение имел его доклад в Берлинской консерватории 26 ноября 1925 г., в котором он заявил: «Мы служим не только народам Союза, но и общему культурному развитию всего человечества»<sup>14</sup>.

Школа в Советской России развивалась успешно, пока общество было на подъеме. В перестройке работы вузов исключительно важную роль Луначарский отводил пролетарскому студенчеству. Доступ к высшему образованию облегчали рабочие факультеты. Народная интеллигенция внесла огромный вклад в развитие материального производства, в победу в Великой Отечественной войне.

В нищей России создавались новые академические институты: естественнонаучный, физико-технический, радиевый во главе с В.И. Вернадским; изыскивались средства на исследования Н.Е. Жуковского в самолетостроении, И.П. Павлова и В.М. Бехтерева в институте мозга. Делегации русских ученых привозили на Запад то, что они, по словам наркома, «высидели» в эти скорбные годы и что оказывалось «сюрпризом» для зарубежной науки. Академия, ревностно оберегавшая «чистоту» своих рядов, высоко оценила труды Луначарского в различных областях развития культуры и в 1930 г. единодушно проголосовала за его избрание действительным членом АН СССР.

Пафос революции для Луначарского был в созидании, и, обращаясь по «всем гражданам России», он призывал их беречь культурное достояние — «наше общее богатство». В Наркомпросе была

создана специальная коллегия во главе с наркомом, были спасены от разрушения памятники искусства и старины, библиотеки и музеи. Настоящей сенсацией за рубежом стало сообщение И. Грабаря об открытии в России для посещения 150 музеев, в то время как бульварные газеты на Западе кричали о «конце русской культуры». (Продажа сокровищ, вандализм и разрушение памятников архитектуры начались после отставки наркома — с 30-х годов, когда противостоять этому процессу было уже некому<sup>15</sup>.)

В системе народного просвещения с первых дней Октября первостепенное место среди других искусств занял театр. Приобщить простых людей к культуре, «встряхнуть от вековой спячки» — это была великая историческая задача. Новая рабочая публика чутко реагировала на все происходящее на сцене, получая и эстетическое наслаждение, и общекультурное развитие. Луначарский был инициатором таких новых форм, как массовые зрелища, рабочие и крестьянские театры, молодежные студии. В 1920 году только в Москве функционировало 95 театров. Но, допуская разнообразие сценических поисков, Луначарский резко осуждал трюкачество и «выверты», пошлость, пустую развлекательность на сцене и на эстраде — проявление «грозной американствующей волны» в искусстве.

В трудные годы Гражданской войны Луначарский защищал от закрытия Большой и Мариинский театры. Проблема была столь остра, что несколько раз обсуждалась на Политбюро. А в день *первой* годовщины Октября в Москве открылся первый на планете Земля Детский театр.

Луначарский обладал редкой способностью находить и поддерживать молодые таланты. Наркомпросовский «Фонд молодых дарований» пополнялся его личными средствами — гонорарами за чтение лекций, за постановку спектаклей по его пьесам. На эти средства учились Д. Шостакович, Д. Ойстрах, Л. Оборин, В. Дулова и др. Из этого фонда получали помощь потомки Пушкина, Достоевского, родственники Гоголя. Целый год в семье Луначарских жил молодой художник, которого нарком вывез из Орехово-Зуева. При содействии наркома многие талантливые музыканты продолжали учебу за границей. Однако не все возвращались, и над «либеральным» наркомом учредили надзор в лице «комиссара при комиссаре» — с правом «вето» на все решения наркома. В качестве его заместителя стал Евграф Александрович Литкенс, вскоре потребовавший введения платы за обучение, за пользование библиотеками и клубами. И.А. Луначарская назвала Литкенса «фигурой прямо-таки зловещей для образования и культуры»<sup>16</sup>. Луначарский был лишен права отправлять распоряжения и письма от своего имени. Вся его корреспонденция, даже письма Ленину, шла через руки

Литкенса — сначала на отзыв председателю ВЧК В. Менжинскому, затем в Политбюро — для решения вопроса. Так, по трем письмам Луначарского о поездке тяжело больного А. Блока на лечение в Финляндию Политбюро трижды за 10 дней собиралось для обсуждения и потребовало поручительства наркома, что Блок, выздоровев, вернется в Россию. Разрешение пришло слишком поздно...

Обстановка в Наркомпросе была так накалена, что нарком дважды в течение сентября 1921 г. обращался к членам правительства с просьбой об отставке, ссылаясь на развал работы под фактическим управлением Е.А. Литкенса. Но Политбюро поддержало Литкенса — как главное лицо, ведающее всеми административно-организационными вопросами.

1929-й — «год великого перелома» станет роковым для наркома, не скрывавшего возмущения «остаточным принципом» по отношению к образованию и культуре. Ленинская культурная революция была перечеркнута: школу ориентировали на подготовку «рабсилы», «винтиков», а не на образованных специалистов.

Свою позицию Луначарский четко выразил еще в 1925 г. на I Всесоюзном учительском съезде: «...если культура... нужна нам для нашего продвижения к коммунизму, то можно сказать и другое: коммунизм совершенно бессмыслен, если не служит культуре; культура, образование, наука, искусство — это не только средства, путем которых мы идем к намеченной цели. Это вместе с тем самая высокая цель».

В 1929 году дорога к разрушению школы была открыта. Как проходил процесс падения советской школы после ухода А.В. Луначарского и всей его коллегии из Наркомпроса, убедительно показал бывший редактор «Учительской газеты» В.Ф. Матвеев в статье «Школа: путь к возрождению»<sup>17</sup>. Он высоко оценил Декларацию Луначарского «Основные принципы единой трудовой школы» и опубликовал ее под рубрикой «Из актуального наследия». В период реставрации капитализма ретивые ниспровергатели перечеркнули все сделанное наркомом. Но исторический опыт говорит, что превращение того, что было до нас, в руины и пепел, не приводит к успеху дела.

А.В. Луначарский считал, что человек должен жадно учиться и щедро отдавать свои знания и талант, быть активным членом общества, добрым и благородным, милосердным и смелым. По этим принципам он сам прожил свою жизнь — этим принципам следовали и его дети. Семью связывала нежная любовь друг к другу, духовная близость — об этом можно судить по письму сына, по отзывам друзей. О семье Луначарских окружающие говорили горьковскими словами: «дети солнца». Все, кто попадал в круг их влияния,

«заражались счастливым состоянием», — вспоминает режиссер Л. Кристи.

Сын наркома Анатолий был талантливым писателем и замечательным журналистом, который приобрел несколько рабочих профессий: чтобы написать о человеке со знанием дела, надо повариться с ним в одном котле. В первые дни Отечественной он ушел на фронт. Участвуя в сложнейшей и очень опасной операции, журналист-боец погиб в 1943 г. на новороссийском плацдарме. До последних дней своих он оставался верен стремлению быть достойным жизни отца. Медаль воина «За оборону Севастополя» и орден Отечественной войны получили уже его родные.

Дочь наркома, Ирина Анатольевна, старший научный сотрудник НИИ искусствознания, поехала в Лондон, чтобы заключить договор на издание полного собрания сочинений своего отца, но не успела: попала в автомобильную катастрофу. Случайность? Это был 1991 год...

На этом следовало бы закончить полемику с «некогда известным московским учителем», но я вынуждена также дать ответ и его единомышленнику, который тогда буквально ошарашил меня вопросом: «А вы знаете, что ваш Луначарский продал письма Ленина за границу?»

Итак, к прежним чудовищным обвинениям в адрес Луначарского, известным из прессы<sup>18</sup>, прибавилось еще одно — «продажа Луначарским писем В.И. Ленина за границу». В томе № 80 «Литературного наследства» «В.И. Ленин и А.В. Луначарский. Переписка. Доклады. Документы» (М., 1971) опубликовано 265 писем этих деятелей (200 из них — впервые). Разысканные в самых разных архивах России, они вносят много нового в освещение судьбы русской интеллигенции. Но до сих пор неизвестно местонахождение 42 писем Ленина, адресованных Луначарскому, вынужденному эмигрировать за границу в период реакции после поражения революции 1905 г. О них 07.06.32 г. пишет Луначарскому В.Д. Бонч-Бруевич: «Вы мне рассказывали, что, когда жили в Италии<sup>19</sup>, вам пришлось волей-неволей оставить вашу корзину с вашими документами, письмами, рукописями, среди которых, как вы тогда говорили, находится не менее 40 писем Владимира Ильича, — у какой-то итальянки, у которой нужно просто выкупить эту вашу драгоценную корзину, уплатив ей за пролежалое то, что она захочет...». Далее Бонч-Бруевич просит «немедленно сообщить», сколько нужно прислать денег, чтобы выкупить и письма Ленина, и материалы, представляющие «целую эпоху личной и политической жизни» самого владельца этих документов; кроме того, «та итальянка, которая хранит ваш груз, — продолжает Бонч-Бруевич, — смертна...». (Полностью письмо можно

прочсть в архиве В.Д. Бонч-Бруевича: ГРБ, ф. 369, ед. хр. 170, л. 32.) В эту пору Луначарский был уже серьезно болен (ему предстояла операция), но нашел в себе силы ответить Бонч-Бруевичу (письмо от 18.07.32). Разъяснения по поводу пропавших писем Ленина дала Ирина Анатольевна, дочь А.В. Луначарского.

Мы часто встречались с Ириной Анатольевной, и не было необходимости вступать с ней в переписку, но письмо, адресованное мне, стало, фактически, завещанием, а для меня приобрело историческое значение. Воспроизвожу его полный текст.

Дорогая Нина Михайловна! Меня очень огорчил ваш вопрос об архиве А.В. Луначарского, который был оставлен его первой женой Анной Александровной в Швейцарии, в местечке Сен-Лежье в 1918 году.

Искажена эта история, увы, ИМЛ при ЦК КПСС и Академией наук СССР в лице редакторов тома № 80 «Литературного наследства» еще в 1971 году. Оба они – А.А. Соловьев, тогда директор ШПА, и И.С. Зильберштейн, главный редактор «Литнаследства» – очень уважаемые мной люди, с которыми всегда были очень добрые отношения и которые с большим пиететом относились к Анатолию Васильевичу.

Но... подписали без проверки статью «От редакции», которая, по-видимому, была подготовлена кем-то из сотрудников. В статье сообщается, что Луначарский «оставил в Италии» 40 писем Ленина и не ответил на письмо Бонч-Бруевича от 7 июня 1932 года. Однако в архиве А.В. Луначарского хранится письмо Бонч-Бруевича от октября 1932 г., где Владимир Дмитриевич просит простить его за задержку ответа в связи с отсутствием в Москве (он был месяц в Кисловодске). Тогда я позвонила В.Д. Бонч-Бруевичу, и он тут же прочитал мне **ответ** (здесь и далее выделено *И.Л.*) Анатолия Васильевича от 18 июля 1932 г. на письмо Бонч-Бруевича. Этот ответ хранится в архиве Б.-Бруевича в рукописном отделе ГПБ им. Ленина. Очень странно, что тот, кто составлял статью, не дал себе труда проверить этот архив.

В коротком письме Луначарский сообщает, что «корзина с бумагами» – письмами и рукописями оставлена была на хранение хозяйке дома в Сен-Лежье, так как, уезжая с 6-летним сыном и всеми вещами из Швейцарии в Россию в начале 1918 года, Анна Александровна была не в силах везти еще и корзину с бумагами.

Конечно, никто не мог предположить развитие событий: гражданская война, убийство Воровского, разрыв отношений со Швейцарией и невозможность востребовать бумаги у госпожи Баломе.

Анатолий Васильевич приехал в Женеву как заместитель главы Советской делегации в Лиге наций только в 1927 году. Конечно, и **до его приезда** и по приезде пресса Швейцарии много писала о нем, и госпожа Баломе знала, чьи бумаги хранит.

По приезде Луначарский обратился к женевскому адвокату Диккеру с просьбой связаться с хозяйкой и востребовать корзину. Но она, надо думать, много раньше с помощью кого-то, кто знал русский язык, «об-

следовала» корзину и поняла ценность писем и рукописей. Судя по тому, что она потребовала очень высокую плату и **запретила проверку** содержимого корзины, части бумаг, скорее всего писем Ленина, в ней уже не было. А именно они и составляли для Луначарского основную ценность. Денег, чтобы удовлетворить алчность хозяйки, у Анатолия Васильевича не было, а просить их он мог только точно зная, что письма целы. Так возникли долгие переговоры, о которых в 1975 году мне рассказывал в Женеве сын адвоката Серж Диккер — хирург. Он говорил, что его отец много раз ездил в Сен-Лежье для переговоров с мадам Баломе, но она была непреклонна: **никакого осмотра, никакой описи** до уплаты денег. Диккер же узнал, что к ней приезжали «иностранцы», которым она что-то продавала.

Я была в Сен-Лежье в 1975, 1976 и 1986 гг. в доме, который после смерти м-м Баломе был куплен г-ном П. Ривье. В 1975 г. он дал согласие установить на доме мемориальную доску о том, что с 1915 по 1917 гг. в нем жил А.В. Луначарский. (Доска была торжественно открыта в январе 1976 года.) Тогда же, в 1976 г., ко мне подошел человек, который «очищал» дом после смерти Баломе перед его продажей. На чердаке он обнаружил много книг на русском языке и видовые открытки... и все. Две открытки, адресованные Луначарским неизвестными мне русскими знакомыми, подарили мне жители деревни и были переданы в ЦПА ИМЛ. В основном же, исполнительный работник сжег все, что обнаружил, согласно указанию семьи. **Но писем и рукописей, как он сказал, там не было.** Следовательно, предприимчивая хозяйка успела распродать все. Подтверждает это и тот факт, что на аукционе в Монако, в начале 80-х годов, С. Лифарь, распродавая коллекцию С. Дягилева, продал письма А.А. Богданова Луначарскому. Об этом мне рассказывал И.С. Зильберштейн, который ездил от СССР на этот аукцион, имея деньги только на покупку рукописей М.Ю. Лермонтова, о чем заранее было договорено с С. Лифарем. Покупатель же писем Богданова — неизвестен. Пока никем не были опубликованы и письма Ленина Луначарскому. Их местонахождение неизвестно.

Такова печальная история архива А.В. Луначарского, оставленного им в мае 1917 г., когда со вторым поездом политэмигрантов он возвращался в Россию — без всякого багажа.

Можно ли ругать Анну Александровну, которой предстоял путь с несколькими пересадками и которая ехала с ребенком и самыми необходимыми вещами в Петроград на пустое место после 10 лет отсутствия, да еще во время войны?

Очень, очень жаль, что, не вникая или не зная всех этих обстоятельств, главные редакторы тома № 80 «Литнаследства» возвели — невольно! — **клевету** на А.В. Луначарского.

Мне довелось «распутать» эту историю только тогда, когда я обнаружила письмо Б.-Бруевича от октября 1932 г., — прошел примерно год после выхода книги. Я разговаривала с А.А. Соловьевым и с И.С. Зильберштейном, но «поезд ушел». Было опубликовано несколько добрых рецензий, и задним числом опровергать что-либо было невозможно. Авторы статьи «От редакции» не согласились с моей просьбой опубликовать заметку об этой ошибке.

И вот теперь вы спрашиваете: куда делся архив и по чьей вине. Я ответила вам, и, может быть, вы сможете осветить эту историю в какой-либо статье, сославшись на документы и мой рассказ. И через 20 лет правда должна стать достоянием истории.

*С уважением, И. Луначарская.*  
20/II. 1990 г.

P.S. Простите за задержку ответа, но я была чрезмерно загружена работой.

Из письма И.А. Луначарской совершенно ясно: обвинения Луначарского в том, что он якобы продал письма Ленина или какие-либо другие архивные материалы, несостоятельны.

\* \* \*

Правда, вынужденная прорываться через барьеры фальсификации, должна восторжествовать. Думаю, это время уже настало.

...О том, что интерес к личности А.В. Луначарского сегодня возрастает, свидетельствует такой факт: более десятка моих статей о Луначарском в последнее время опубликовано в газетах, журналах, а также в энциклопедических изданиях, таких как «Новая философская энциклопедия», изданная в 4-х томах Институтом философии РАН (Т. 2. 2001. — С. 459); энциклопедический словарь «Философы России XIX — XX столетий. Биографии, идеи, труды» (1995. — С. 354 — 355; 1999. — С. 479 — 480; 2000. — С. 576 — 577); «Русская философия. Энциклопедия» (2007. — С. 314 — 315); «Енциклопедія Руске філософіє» (2009. — С. 438 — 440); «Dictionnaire de la Philosophie Russe» (2000. — С. 517 — 519).

Проблемы образования и воспитания в любом развитом обществе всегда считались наиважнейшими, ибо в центре этих социальных функций стоял человек — по определению Тейяра де Шардена — «ось и вершина эволюции». Это та высота, на которой и должен оставаться человек как личность.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Правда. 1917. 21 (8) ноября. № 183.

<sup>2</sup> Литературное наследство. Т. 82. — М.: Наука, 1970. — С. 497.

<sup>3</sup> Там же. — С. 498.

<sup>4</sup> Там же. — С. 500.

<sup>5</sup> *Лифшиц М.* О Луначарском // Литературная газета. 1967. № 3. — С. 6.

<sup>6</sup> *Смирнов К.* Что на весах // Известия. 9 февраля 1991. № 34. — С. 3.

<sup>7</sup> Учительская газета. Сентябрь 1990. № 39.

<sup>8</sup> Правда. 31 марта 1989.

<sup>9</sup> Вестник Академии наук СССР. 1934. № 1. — С. 50.

<sup>10</sup> Опровержение беззастенчивой клеветы читатель найдет в книге: *Северикова Н.М. А.В. Луначарский о воспитании.* – М.: Высшая школа, 1990.

<sup>11</sup> Памяти А.В. Луначарского // *Вестник Коммунистической академии.* 1935. № 3. – С. 39.

<sup>12</sup> *Луначарский А.В.* Наши текущие задачи. Какая школа нужна пролетарскому государству. – М., 1924. – С. 45.

<sup>13</sup> *Северикова Н.М.* Из неопубликованного наследия А.В. Луначарского // *Вестник Моск. ун-та. Серия 7. Философия.* 1983. № 1. – С. 26.

<sup>14</sup> Там же. – С. 34. Доклад на тему «Культура и искусство в новой России» «Kultur und Kunst im neuen Russland» опубликован в журнале «Die neue Rundschau, 1926. Jahrgang. Band 1. Seiten 19–32/перевод с нем. Н.М. Севериковой.

<sup>15</sup> Подробно см.: *Семенова Н.* Распродажа // *Литературная газета.* 7 декабря 1988. № 49 (5219). – С. 8.

<sup>16</sup> См.: Предисловие // *Северикова Н.М.* Луначарский о воспитании. – М., 1990. – С. 5.

<sup>17</sup> *Коммунист.* 1988. № 17.

<sup>18</sup> При жизни Луначарский подвергался нападкам со стороны пролеткультовцев, левовцев, напостовцев, рапповцев за «либерализм», за выступления против травли «попутчиков», за защиту культуры прошлого. После смерти на него обрушивается критика за философские ошибки, допущенные в молодые годы, когда, по словам М. Лифшица, «марксистская культура только утверждалась в России». А в последние годы некоторые публицисты делали сенсацию из своих домыслов, но их необоснованные обвинения ученые отвергали на основании серьезного изучения документов и хранящихся в архивах материалов. Так, о некорректном отношении к А.В. Луначарскому и об искажении фактической стороны дела в комментариях к публикации писем В.Г. Короленко А.В. Луначарскому, об обвинениях наркома в антипатриотизме, о неверной интерпретации его взглядов на преподавание истории и множестве различного рода измышлений писали А. Зись, М. Лифшиц, В. Логинов, И. Луначарская, Р. Рендровская, В. Русаков, Н. Семенова, Н. Северикова, Н. Трифонов, Т. Яковлева.

<sup>19</sup> На неточность, допущенную В. Д. Бонч-Бруевичем в его письме от 7 июня 1932 г., редакция «Литературного наследия» не обратила внимания. Уточняя: А.В. Луначарский жил в те годы в Швейцарии. – *Н.С.*